

Театр идет под гору

18 июля наша газета поместила заметку тракториста С. Гриценко «Уважать сельского зрителя», в которой были высказаны критические замечания по адресу Кустанайского областного драматического театра. Механизатор с возмущением писал о том, что во время гастрольных поездок театр снимает требовательность к артистам и оформлению спектаклей, становится на путь халтуры, проявляя тем самым свое неуважительное отношение и к сельскому зрителю.

Публикуемое сегодня письмо артиста Кустанайского драматического театра тов. Никулина — ответное выступление по поводу заметки тов. Гриценко. Артист сообщает, что факты, о которых писал тов. Гриценко, соответствуют действительности и что автор заметки поднял очень принципиальный вопрос. Вместе с тем, тов. Никулин указывает причины, обусловившие ненормальное положение в Кустанайском театре

Когда думаешь о коммунистическом завтра, о волнующих перспективах, открывающихся впереди, хочется с особой беспощадностью обрушиться на недостатки и неформальности, которые, к сожалению, у нас еще существуют, мешают работать, портят людям настроение.

Недавно я прочитал в «Целинном крае» небольшую заметку тракториста С. Гриценко. Она глубоко затронула меня, во-первых, своей справедливой критикой, а, во-вторых, тем, что горький упрек касается нашего театра, лично меня и моих товарищей по работе. Да, кустанайский театр не справляется с возложенными на него задачами, особенно в последнее время. Мне хочется откровенно поговорить о наболевших вопросах.

Было бы большой несправедливостью оговаривать весь творческий коллектив. У нас есть люди, которые работают много и добросовестно, к каждому спектаклю, независимо где он проходит — в городе или на селе, — отно-

ситель к театром, занялся финансовыми махинациями, о чем, кстати, газета «Целинный край» уже писала в фельетоне «Свергнутый Аполлон». Неудивительно, что трудовая дисциплина рыхлалась, требовательность исчезла, на сцену стала проникать халтура, безответственность. Стыдно говорить об этом, но это так. Вопрос о тревожном положении, сложившемся в театре, неоднократно поднимался на общих собраниях. Некоторые артисты обращались с жалобами в обком партии, облсполком, областное управление культуры, областную газету «Ленинский путь». Помощи мы нигде не получили. А дела с каждым днем идут хуже и хуже.

Каков же результат? Сезон 1960—1961 года провален. На сцену была выпущена серия наспех подготовленных, совершенно серых спектаклей. Зрители уходили от нас с чувством неудовлетворения. Артисты сознавали свою тяжелую вину, но ничего не могли поделать. А руководителей театра это не беспокоило. Они по-делачески подходили к важному, ответственному делу, думали только о деньгах, о формальном выполнении плана. При выезде на гастроли труппу, в то время насчитывавшую 25 человек, разбили на четыре бригады. И вот спектакли (и без того крайне слабые) стали идти при уменьшенном составе артистов. Появились «замещающие» люди, никогда до этого не выступавшие на сцене и никакого отношения не имевшие к актерской профессии.

Я позволяю себе остановиться только на примере одного спектакля «Опасная

профессия» (режиссер Н. Некрасов), чтобы читатели могли представить, как он выглядел на сельской сцене.

Выезжая на гастроли, театр разослал по совхозам широковещательную фоторекламу. Рекламиривалась весь состав артистов, занятых в игре. На самом же деле из пьесы совершенно убрали несколько очень важных ролей, значительно сократили текст ведущих героев. Вдобавок опытных актеров заменили «совместителями». Так, например, тов. Курюкова была одновременно парикмахером, кассиром и антрисой!

Какой огромный вред пришло такое «совместительство», догадаться нетрудно. Артистам пора выступать, они нервничают, потому что нет еще париков, а парикмахер тов. Курюкова продает билеты. Затем, кое-как переодевшись, она выпыхает выбегает на сцену уже как «актриса» и зрители смеются, сразу узнав в ней «веселую кассиршу». Заместитель директора тов. Морозов, пропустив на контроле зрителей, тут же без подготовки появляется перед зрителями в роли командира партизанского отряда, и снова в зале слышится приглушенный смех. Зрителя перебарщивают шутками, ядовитыми репликами, посмеиваются над тем, что актеры плохо загримированы и одеты, «замещающие», не зная текста, все время путаются и допускают неопелости, что мужскую роль немецкого офицера вслепую исполняет артистка Гулевиц, а другую мужскую роль (Ратке) — парикмахер Курюкова, что артист Некрасов «под градусами».

Поводов для насмешек множились. Мне совершенно понятно измущение тракториста тов. Гриценко. Разве могли артисты оставить хорошее о себе впечатление у сельских зрителей, если она не сде-

лала того, что могли сделать, если руководители театра принесли в жертву делителю интересы зрителей, интересы настоящего искусства?

Описанные факты — не случайность. Это логический результат беспринципного отношения к вопросам творчества со стороны директора тов. Духачек-Дубровского, его нежелания глубоко вникать в повседневную жизнь театра, мобилизовать людей на решение задач, стоящих перед театром. С 1960 года у нас нет главного режиссера, а тов. Духачек-Дубровский спокоен. Такой важнейшей задачей работы, как режиссура, передоверен тов. Хохлому, который «между делом» приходит из филармонии репетировать спектакли, а вот тов. Некрасов и Казанину, не имеющим режиссерской тарификации, и неопытному молодому режиссеру тов. Лысенко, который перегружен актерской работой и сам нуждается в постоянной помощи. Отсюда — и слабые, низкопробные спектакли.

Другой фактор, влияющий на работоспособность коллектива, — трудовая дисциплина. За последнее время она в театре сильно пошатнулась. А там, где нет крепкой дисциплины, товарищеской спайки, не может быть и речи о здоровой обстановке. В нашем театре участились случаи пьянства, прогулов, аморальных поступков. Дело дошло до того, как я уже говорил, что артист Некрасов появляется на сцене нетрезвым. Систематически пьянствует режиссер Казаннин. Супруги Лысенко постоянно скандалят за кулисами и даже в ходе репетиций и спектаклей, а на гастрольях в селе Троебратово, при участии артистки Бестагоновой учинили публичную драку. Артисты Искрина и Киселев за пьянство и прогу-

лы по настоящей коллективе неоднократно отстранялись от работы. Но у директора театра тов. Духачек-Дубровского на этот счет существует свое мнение. Вместо того, чтобы беспощадно пресекать аморальные поступки, строго наказывать виновных, он покровительствует им. Например, уволенных из моральной разлуки Искрина и Киселева он восстановил на работе, предоставил им квартиры, повысил ставку, а Киселева ввел даже в состав художественного совета. Подобные вещи вряд ли нуждаются в комментариях!

Коммунистическая партия видит в театральных работников свою надежную опору, оказывает им неустанный помощь и поддержку. В то же время партия требует от них беззаветного служения народу. Это значит, что каждый из нас обязан с честью нести знание советского артиста, работать, не покладая рук, изо дня в день совершенствовать исполнительское мастерство, заботиться о большом идейном содержании каждого спектакля, воспитывать трудящихся в духе бессмертных марксистско-ленинских идей.

К сожалению, не все работники Кустанайского драматического театра усвоили эту истину. И это — тревожит.

С. НИКУЛИН,
артист Кустанайского областного драматического театра.

ЦЕЛЫЙ РАЙОН
ЦЕЛИННОГО ГРАДА

27 АВГ 1961